

Ольга Луцинская

МОЙ МИР
МАЛКОЛЬМ ТЕРНЕР

Книга
первая

Ольга Луцинская
Мой мир. Малкольм
Тернер. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18325204

ISBN 9785447470593

Аннотация

Кто сказал Вам, что сказки нет? Найти что-то необычное проще, чем кажется на первый взгляд – оно всегда есть вокруг нас. Поверьте мне, я знаю это наверняка. Отправьтесь в это путешествие со мной, и я покажу Вам, чего стоит добро и насколько необычен мир вокруг Вас. Измениться никогда не поздно, друзья. Просто дайте мне руку, и мы вместе отправимся туда, где сбываются самые заветные мечты. Добро пожаловать в мой мир. Мир, в котором возможно все.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Глава I. Начало	9
Глава II. Дорога к звездам	38
Глава III. Странник	50
Глава IV. Единое целое	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мой мир. Малкольм Тернер

Книга первая

Ольга Луцинская

© Ольга Луцинская, 2019

ISBN 978-5-4474-7059-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Данное произведение не пытается оскорбить чувства верующих и их религию, мировоззрение общества в целом или отдельных индивидуумов. Идеи книги и ее содержание выражают собственную точку зрения автора, его видение мира и событий, а так же понимание морали, взгляды на то, какой она должна быть и что ее составляет. Книга никого не призывает поступать так или иначе, ее цель – заставить отдельного человека задуматься о том, как стоит поступать ему лично, а как нет, найти самого себя и измениться в лучшую сторону.

Все истории и события, входящие в книгу, являются вымышленными, сказок, указанных в ней, не существует, национальных границ нет, а все расовые различия приведены только в качестве описания разнообразия живущих существ, их особенностей, и говорят о том, что каждый из нас уникален.

Все стихи, представленные в книге, принадлежат самому автору.

При написании книги ни одно живое существо не пострадало.

Приятного чтения, дорогие друзья!

Пролог

Честно говоря, никогда не думал, что мне придется вот так рассказывать кому-то о своей жизни. Собственно, это причина, по которой я не умею начинать подобные рассказы. Но я постараюсь, как могу. Сперва будет лучше представиться.

Здравствуйтесь, меня зовут Малкольм Тернер. Прежде чем описать себя подробно, во избежание расшатывания вашей психики, я немного расскажу о том, как устроен мир. Нет, я не собираюсь разглагольствовать на манер физики или философии. Я расскажу вам в общих чертах.

Приходилось ли вам когда-либо задумываться над тем, в каком мире вы живете? Да, большинство из вас сейчас скажут мне «о чем ты, мир всего один, мы все в нем живем». Кто-то многозначительно покашляет и выдаст, что «я живу в реальном мире, а не в вымышленном». И лишь не многие действительно смогут назвать мне тот мир, в котором они живут. Я вас обрадую, вам это делать не придется. Нет, я не скажу за вас сам, но... миров существует невероятно много. Говоря «много» я подразумеваю бесконечное множество, так как новые миры создаются постоянно. Откуда я знаю? Вам придется поверить мне на слово: я побывал в большом количестве существующих и когда-то существовавших миров. Об этом я и хочу вам рассказать. Я видел множество

разнообразных живых существ и пейзажей, которые поражают воображение.

А теперь немного обо мне, чтобы вы имели хоть малейшее представление о том, кто я такой. Я – кролик. Хожу на двух задних лапах, ношу одежду. То есть, я, в некотором смысле, подобие человека, если вам знакомы такие существа. Их довольно много, ими населены многие миры. Ростом я где-то 170 см (15 грауш¹ или полторы лаурста², зависит от того, какой единицей измерения пользуются у вас в мире). Если не учитывать уши. Глаза у меня синие, окрас желтый с белым. Я худой на вид, но довольно сильный. Что же еще... внешне, пожалуй, все. Я не буду углубляться в особенности своего характера, вы узнаете меня по ходу повествования.

Постоянного места жительства у меня нет. Сколько себя помню, мне не удавалось долго где-то задерживаться. Хотя... мне посчастливилось прожить несколько лет на одном месте. Но об этом позже.

Я бы хотел рассказать вам подробнее о том, как устроены миры, но лучше я дам вам возможность пойти практически по тому же пути, что и я. Мне пришлось познавать всё существо по ходу моего приключения. Не буду вас больше томить. Давайте же начнем наше большое путешествие

¹ Грауш – единица измерения по высоте многолетнего тропического цветка. Грауш светится в темноте и достигает своего максимального роста за 3 часа после первого полива дождевой водой.

² Лаурста – расстояние, которое пролетает маленькая птичка люция за 1 секунду.

вместе. Я постараюсь максимально точно передать вам всю атмосферу тех событий, что пришлось пережить нам. Кому нам? Вы узнаете чуть позже. Добро пожаловать в мой мир, дорогие друзья.

Глава I. Начало

*Прошу тебя, давай начнем с нуля.
И нам так далеко до эпилога.
Ждет впереди опасная дорога.
Она, конечно, будет нелегка.*

*Я знаю, мы на правильном пути.
Пускай грызет коварное сомненье,
Но я тебе дарю успокоенье —
Я точно знаю, как туда идти.*

С вашего позволения, я оставлю рассказы о своем детстве и сразу перейду к более сознательному возрасту. Я приехал в Город Солнца еще подростком. Собственно, в том возрасте, когда уже пора было выбирать, кем я собираюсь стать. Не то чтобы я любил рисковать, но выучиться решил на каскадера. Почему так? Может, хотел обеспечить себе безопасность, обучившись выживать в сложных ситуациях. А может просто не знал, куда же мне еще податься. Так или иначе, я сделал свой выбор.

Для меня это было довольно сложно. В первый месяц практики я валился с ног. В первое же занятие самообороны тренер сломал мне левую руку. Глупая случайность (я неудачно упал), но тогда он сказал мне, что все стоящее в нашей жизни дается очень нелегко. Эту мысль я запомнил раз

и навсегда. Травма стала для меня толчком к успеху. Я много тренировался, сбивал в кровь руки на занятиях, возвращался вечером весь покореженный, как после стычки с бандой из неблагополучного района. Оно того стоило.

Через полгода усиленных тренировок я выполнял трюки, которые давались довольно легко лишь тем, кто уже окончил обучение. Я сам не очень понимал, как так вышло, но тренер всегда говорил, что хороший результат – это награда за терпение, выносливость, упорство и сосредоточенность с моей стороны. С каждым годом мои навыки становились все лучше, я оттачивал мастерство в рукопашном бою, прохождении препятствий и многом другом. К концу обучения мне удалось овладеть практическими навыками владения любым видом оружия. Со стороны своего опыта, скажу вам, что все это обучение было больше похоже на военную подготовку. Безусловно, это не единственное, чему нас обучали. Мы учились разбираться в механизмах всех современных и устаревших устройств, решали логические задачи. Раз в месяц факультет литературы по просьбе нашего деканата устраивал нам что-то вроде небольшого квеста. Детективная ситуация, вроде «найди убийцу» или «тайна пропавшего ребенка». Лучше всего было задание-лабиринт. Нас запирали в заранее подготовленных для этого зданиях, из которых нужно было найти выход за определенное время. Нечто вроде игры на выживание. Разумеется, нашим жизням ничего не угрожало, но иллюзия опасной ситуации заставляла соображать

быстрее.

После обучения мне удалось устроиться работать на киностудию. Именно отсюда, а точнее год спустя, я начну вводить вас в атмосферу приключения.

Я всегда поднимался в восемь утра, даже по выходным. Киностудия открывалась в девять, поэтому спешить было ни к чему. Я считал, что рабочий день можно начать и чуть раньше, но смысла в этом не было. Актеры всегда подъезжали к одиннадцати, если не позже, а остальному персоналу студии вполне хватало времени, чтобы подготовить съемочную площадку к их приходу.

Завтракать с утра я не стремился, хотя, может и следовало бы. Всю дорогу до студии я проходил пешком. В городе не было особенно высоких построек и сумасшедшего движения. Практически все передвигались именно так. Весь путь занимал у меня не больше получаса, даже если я задерживался по дороге.

В тот день меня остановил Клайд, владелец небольшой парикмахерской. Клайд был добродушным волнистым попугаем. Я знаю, что в некоторых мирах это довольно маленькие птицы, но у нас их рост мог достигать до полутора метров, что довольно прилично. Клайд приветствовал меня каждое утро, когда открывал свое небольшое, но уютное заведение. Никогда не видел его в неблагосклонном расположении духа. Он всегда так добродушно махал мне крылом, приглашая войти,

и мелодично кричал: «Малколъм, дружище, входи скорей!». Конечно, на волне своих эмоций забывал поздороваться, извинялся за это (странно, каждый день же такое происходило, мог бы и запомнить) и распахивал стеклянную дверь для меня. Утром у него было пусто, он только открывался и приводил все в порядок. Я помогал ему в этом: включал аппаратуру, проверял ее исправность.

Клайд был очень общительным. Говорил с такой страстью и увлеченностью, что, порой, забывал обо всем на свете, что не касалось его рассказа. Он начинал говорить о каком-либо клиенте, который заходил вчера, тут же сбивался фразой «ой, я же хотел рассказать другое, пока не забыл», но, в итоге забывал и это, смеялся и провожал меня к выходу, вспоминая, что мне нельзя опаздывать на работу.

Я никогда у него не стригся, мой единственный торчащий хохолок на голове мне не мешал и рос очень неохотно. Иногда, бывало, Клайд состригал его до определенной длины легким движением ножниц, что занимало у него не больше секунды. Я бы и никогда о нем не узнал, но очень уж он любил знакомиться с новыми жителями города. Но выходил на прогулку он крайне редко, поэтому знал лишь тех, кто ходил мимо его скромной обители ножниц и расчесок.

После парикмахерской следующей остановкой была булочная старушки Висси, добродушной кошечки с серебристой шерсткой. В силу возраста, она немного полиняла, шерсть на ушках немного свалялась, но выглядела она хоро-

шо для своих лет. Она, как и Клайд, встречала меня на входе. Отвечала мне приветствием на приветствие, угощала кусочком пирога со словами «ты же опять не завтракал, уж я-то знаю» и уходила на кухню, получив взамен слова благодарности. Сегодня она попросила меня зайти к ней после работы и помочь с новой печью, которую ей привезут днем. Естественно, я не мог отказать ей. Раз в месяц она просила меня о небольшой услуге, я привык к этому и не мог, да и не хотел, сказать «нет» старушке Висси.

Дальше мой путь не терпел остановок, я добирался быстро, проходил через пост охраны и шел к своей съемочной площадке. Утром на киностудии было довольно пусто, редко доводилось увидеть кого-то и поздороваться. Я точно знал, что те два часа до прихода актеров, позволяют мне полностью занять любую декорацию, любые установки и аппараты. Два часа разминки, тренировки, оттачивания навыков. Это именно то, что мне было нужно. Я всегда пользовался страховкой, как обязывал мой контракт, хоть и не всегда видел в ней необходимость. Может, звучит немного безумно, но страх перед опасностью заставлял меня действовать осторожно, максимально сосредоточиться и дерзнуть попробовать что-то новое. Развиваться никогда не поздно, так ведь?

Не скажу, что я общителен и имел много друзей. Напротив, я частенько слушал, когда кто-то очень хотел мне поведать какую-либо историю, понимающе кивал (в редких случаях не соглашался, пытался что-то доказать и объяснить)

и дальше занимался своими делами. Едва ли нашелся бы хоть кто-то, кто мог бы поделиться секретом со мной (или кому бы я доверил секрет).

Я так увлекся работой, что не заметил, как съемочная площадка постепенно заполнилась персоналом и актерами. Работу они еще не начали (я имею в виду актеров), но пора было немного передохнуть и перекусить. Спустившись вниз к обеденным корпусам, я направился в столовую для вспомогательного персонала (я точно знал, что сейчас там почти никого нет), уселся ближе к окну и мгновенно умял вкусный подарок старушки Висси под кружечку горячего чая.

До меня донесся отвратительно высокий звук сирены. Где-то произошло происшествие. Я выбежал на улицу и осмотрелся. Может, пожар? Где? Странно. Дыма нет, ничего не горит. А что там... Кто-то бежит в седьмой павильон. Я сразу помчался туда. Уже на подходе были слышны слезливые крики, кто-то отчаянно звал на помощь. Это был маленький ребенок. Я точно знал этого мальчишку. Он приходил сюда с отцом каждый день, носился по площадке, приставал к окружающим со своими забавными детскими вопросами, играл и отвлекал режиссера от работы. Бедный сорванец забрался высоко на декорации, зацепился кофтой за верхушку фермы, установленной специально для съемок нового фильма о заброшенном городе, соскользнул и повис в таком положении. Ему было страшно пошевелиться, он мог сорваться в любую секунду.

– Малкольм, вот где ты! Умоляю тебя, мой сын застрял, все каскадеры шлятся неизвестно где, помоги ему! – взволнованно кричал режиссер.

– Постарайтесь поймать его, если он начнет падать, я бегу навстречу, – выдал я уже на ходу и побежал к постройкам.

На эту конструкцию я никогда не забирался, она была установлена исключительно как декорация, поэтому моего веса явно не выдержала бы. Нужно было найти другой способ. Если я только встану на эту штуку, она тут же упадет, и ребенок с ней вместе. Осмотреться... скорее, время уходит... вот! Если я заберусь на стропила, то дотянусь до малыша! Веревка, на входе я точно видел веревку. Да, вот она, осталась здесь благодаря ленивому стажеру, который не удосужился унести ее на склад после съемок рекламы о ковбоях. Никогда не думал, что такая халатность на работе сыграет хорошую службу. Я схватил веревку, привязал один конец к колонне, другой – к тяжеленькому муляжу револьвера, и перебросил его через стропила. Быстрее, надо взобраться, мальчишка вот-вот сорвется! Еще немного, несколько метров... Нет! Он сорвался! Еще чуть-чуть и... есть! Я схватил его за руку, как вовремя! Уф... мальчик, весь в слезах, заглянул мне в глаза и, охрипшим от страха голосом, просипел мне:

– Спасибо... дядя...

Я подтянул мальчугана ближе к себе, чтобы он мог обхватить меня, и спустился с ним по веревке вниз. Перепуган-

ный отец в ту же секунду подскочил к нам под гром аплодисментов, подхватил сына на руки и дрожащим голосом, глядя на свое дитя, произнес:

– Кевин, я так боялся за тебя! Зачем ты туда забрался, ты же мог пострадать! Никогда больше так не делай, я же не переживу, если ты пострадаешь! Малкольм... спасибо тебе.

Я одобрительно кивнул и отправился работать дальше.

К концу дня павильоны постепенно опустели. Пора было идти обратно. В это время года было довольно тепло, но солнце пряталось за горизонтом около половины десятого вечера. Так странно, но сам заход его длился два с небольшим часа. Пожалуй, именно эта особенность подарила городу его мелодичное название. Больше всего на свете я любил эти закаты. Редкие перьевые облака лениво плыли высоко по небу, медленно тая, рассеянно теряли свои пушистые кусочки, рассыпались по небу, как пух на ветру, и пропадали в золотисто-огненном сиянии небес. Тихо шумело море, расстилающееся вдоль набережной. Изредка его мелодичный шум звонко перебивали крикливые чайки, разговоры случайных прохожих и клаксон велосипедиста. Блики солнца на морской глади, как сигнальные огни, ярко слепили глаза пешеходов, манили к себе, задержаться хоть на пару минут, взглянуть, вздохнуть, покориться величественной тишине этого теплого вечера. Легкий бриз ласково гладил щеки, щекотал нос соленый воздух, слабо разносившийся

по улице. Все это дарило мне ощущение отсутствия времени. Никто не спешил, все двигались так медленно и плавно, как эти самые румяные облака. Такие вечера стоили дороже всего того жемчуга, что находился в Лучистом море, дороже любых богатств, что только можно себе представить. Это дар природы, дар мудрости и безмятежности, доступный каждому, разливающийся теплотой в душе и покоем в сердце.

В начале девятого я уже оказался у двери в булочную Старушки Висси. Наверняка, она уже закрыла свое маленькое заведение (не на ключ, просто повесила табличку «закрыто») и ждала моего прихода. Не скажу, что я хорошо разбирался в печах, но с техникой худо-бедно ладил. Я частенько настраивал её оборудование в булочной. То ли она неаккуратно с ним обращалась, то ли просто не ладила с машинами, но ломались они довольно быстро. Мне было не в тягость чинить их, снова и снова объяснять добродушной кошке, как обращаться с ее «драгоценными помощниками», как она их называла, но после тяжелого трудового дня было немного тяжело заниматься этим.

У этой добродушной старушки печи ломались совершенно непонятным образом. Помню как-то раз, она прибежала ко мне в павильон в разгар рабочего дня. Говорила спешно, обеспокоено. Я едва ли смог разобрать, что она пытается мне сказать. На самом деле все просто: печь сломалась, а у нее заказ на большой торт для внучки ее подруги. Отпускать с работы меня не хотели, но старушка так долго и слезливо

просила режиссера, что, в конце концов, перешла чуть ли не к угрозам (никогда не думал, что до этого может прийти), ведь именно она поставляла студии выпечку на большие банкеты в честь выхода фильмов. Режиссер, скрипя сердцем, отпустил меня на час со словами «лишь бы она уже ушла». Печь, которая была у нее на тот момент, верой и правдой прослужила ей не больше 7 веш³ (на тот момент это было много, учитывая срок службы предыдущих моделей). Я проверил все те же поломки, что и раньше: подключение к костровой подложке и дымоходу, защелкивающее устройство на дверке и прочее. Я окончательно зашел в тупик, пока Висси не задала исчерпывающий вопрос: «а может она села?». Села? Что, серьезно? Печь села? Как такое вообще возможно. Я взял паспорт на устройство и... правда! Печь (хотел бы я знать, где она заказала это чудо техники) работала от энергии солнца (а именно костровую подложку не нужно было зажигать вручную, она загоралась от концентрации солнечного света на фитиле с помощью водяных линз). Обычно дожди у нас длились не больше суток, но последние три дня дождь был мелкий, но постоянный. Водяная линза рассеяла энергию солнца за эти дни и больше костер под печью не зажегся. Решение простое, зажечь костер вручную. Честно говоря, до этого случая я думал, что знаю все ее печи вдоль и поперек.

³ Веша – мера времени, отсчитываемая циклом луны, при котором она меняет свой окрас. Одна веша равна 10 дням.

Я подошел к двери и осторожно открыл дверь. Колокольчик звякнул еле слышно, тут же затих, оставив после себя небольшой гул, разнесшийся по воздуху. Где-то из кухни слышалось торопливое «уже иду» и мягкие шаги старушки Висси.

– Малкольм, это ты. Я так рада, что ты пришел.

– Да, я только освободился. Где ваша новая печь?

– Ой, ты не поверишь, но мне уже помогли, – радостно выдала она, – тут мальчик пришел буквально час назад. Он только вчера приехал в город, еще никого не знает. Оказывается, он хорошо разбирается во всех этих научных вещах. Мы разговорились, я сказала про печку, а он предложил помочь. Такой добрый юноша, он мне сразу показался хорошим. Он и тебе понравится, думаю, вы подружитесь.

Вот так номер. Подружимся? Но я не ищу себе друзей. Моя жизнь устоялась (я не очень люблю перемены), я не хочу что-либо менять. Да и общаться не очень-то стремлюсь.

Старушка ушла на кухню, где, по-видимому, и был этот «добрый юноша». Я не расстроился, не придется копаться в печи. Надо было бы уйти, но не мог же я просто взять и выйти, следовало бы попрощаться, поэтому я терпеливо ждал, пока она вернется. Не очень я хотел еще с кем-то знакомиться.

К моему небольшому разочарованию, она вышла с ним. Он тоже был кроликом, только рыжим. Глаза у него были несколько округлыми, близко посаженными кверху, словно

немного косыми, что придавало ему вид деревенского простачка, однако их яркая зеленая окраска внушала некоторое доверие, хоть я и не очень любил таких (никогда еще не встречал никого с подобной физиономией, кто обладал бы хорошим складом ума). Он широко улыбался, что придавало ему еще более глупый вид. Моргал он как-то странно, каждый раз приподнимая брови, когда закрывал глаза. Одежда его была довольно яркой, многоцветной. По ней сразу было ясно, откуда он приехал и что думает о городских. Ему явно хотелось вписаться, показать себя и на других посмотреть. На сиреновой кофте был большой знак ярко-желтой молнии, перекрывающей зеленое кольцо, словно это была эмблема какого-то популярного у детишек супергероя. Шорты были широкими для столь худых ног, и, похоже, имитировали пляж своим окрасом: внизу песок, посередине море, сверху ясное голубое небо. Конечно, эту замечательную картину увенчали сандалии. Зеленые, между прочим. Станный типчик, ничего не скажешь. Теперь я еще меньше хотел знать кто он такой. Может, это несколько грубо с моей стороны, судить его по внешности, но Висси питала странную слабость к подобным кадрам. У нее было достаточно непонятных знакомых. То медведь, таскающий с собой балалайку, пытаюсь сыграть на ней кантри, то тушканчик с непонятным для меня увлечением: он коллекционировал отпечатки ног (как будто нечего больше коллекционировать, на пляже полно ракушек, их бы хоть собирал). Но кто я, чтобы их судить. У всех свои

причуды.

– Малкольм, знакомься, это Джейсон. Джейсон, это Малкольм.

Он мгновенно подскочил ко мне, схватил меня за руку, и, пока пожимал ее, быстро проговорил:

– Привет, Малкольм, меня зовут Джейсон, я приехал из деревушки Риверсайд. Я механик, хорошо разбираюсь в любой технике, так что обращайся, если что. Мой дом неподалеку, возле небольшого моста над рекой, я вообще люблю реки и плаваю хорошо. Приятно было с тобой познакомиться, мне пора бежать, обустроиваться на новом месте. Завтра обязательно увидимся. На том же месте в то же время, идет? До свидания!

И тут же он убежал в сторону мостика. Я так ошалел, что стоял как вкопанный, выпучив глаза и раскрыв рот. Ну и напор, парнишка и слова вставить не дал. Даже «приятно познакомиться». Не скажу, что мне было приятно, но я просто вежлив. Протараторил и убежал. Похоже, он совсем не умеет слушать. И общаться тоже. И знакомиться. Я что-то вообще сомневаюсь, что он что-то умеет. Увидимся завтра... У меня появилось дикое желание пойти завтра другим путем.

– Какой милый юноша. Малкольм, заходи завтра, я буду очень рада вам обоим.

– Я... хорошо. До свидания, Висси.

– До завтра, Малкольм.

Всю оставшуюся дорогу домой я думал об этом странном

парнишке. Я не горю желанием видеть его завтра. Мне хватило этих нескольких секунд, что он тряс меня за руку и выливал на меня мощной струей свой поток нехватки общения. Может, действительно пойти завтра другим путем. А в булочную зайти утром, пока его нет. Я же согласился зайти... Зачем я согласился зайти? А все мое воспитание, будь оно неладно. Это все пустяки. Я слишком устал, чтобы сейчас об этом думать. Все, что мне сейчас нужно – кружка мятного чая с лаймом и книга, которую я так и не дочитал вчера (осталось всего пару глав), и сыграть под заходящее солнце на гитаре шестую симфонию Моцарта, так полюбившуюся мне с первых звуков, когда я услышал ее в детстве. Я играл ее почти каждый вечер, усаживаясь на подоконник широкого окна в гостиной. Из него открывался чудесный вид на солнце, медленно окунающееся в морскую гладь. Эта чудесная картина, да еще и под такую музыку, всегда меня успокаивала. А потом, когда перебор струн утомлял меня окончательно, я ложился спать.

Жил я один. Мне не было скучно, потому что я очень ценю тишину и уединение. Занимался всегда своими делами: гулял по набережной, взбирался на Закатную гору раз в месяц, рисовал, играл на гитаре, мастерил соседским детишкам игрушки. Заходили они не часто, но очень уж любили просить всех взрослых сделать им игрушки. Они бережно принимали этот дар и берегли. Словно собирали коллекцию. Каждую игрушку они подписывали: кто и когда пода-

рил. Милое увлечение, не так ли? Оно, в некотором смысле, сближало жителей города.

Наконец, я допил чай, прочитал книгу, насладился Моцартом и улегся спать. Мои сны никогда не беспокоили меня. До этого дня. Ведь именно сегодня началось то, что изменило мою спокойную и размеренную жизнь раз и навсегда.

Я очнулся в странном месте. Все вокруг было окутано едким и густым туманом. Не знаю, то ли свет так падал, то ли так и было, но мне показалось, что его дымка плавно меняет окрас. Так пугающе... кажется, мне все видно, но это иллюзия. Туман слишком плотный, через него едва ли можно что-то рассмотреть. В таком жутком месте настигает тревога и сомнения. Где я? Что это за место? Нужно постараться осмотреться и найти выход. Похоже, я тут один. В языках этого дыма вроде бы пусто. Совершенно пусто. Словно я очутился в каком-то большом, но опустошенном зале. Пол! Надо его прощупать. Так я смогу понять, где очутился. Он... я его не чувствую. Этого не может быть, на чем-то же я стою. Иначе бы я упал в пропасть. Это так странно, я не помню, где был до этого. И был ли где-то вообще... Нет, ну конечно был, что за ерунда! Не мог же я быть тут всегда. Я... я слышу свои мысли. Каждую из них. И... голоса?.. Это похоже на чей-то шепот. Неразборчивый, невнятный шепот. Этого не может быть. Я, должно быть, сплю.

– Следуй за мной, – четко произнес чей-то хриплый голос.

Неужели я схожу с ума.

– Кто здесь?

– Ха-ха... Здесь... Ты хоть сам-то знаешь, где, здесь?..

Я не нашел, что ответить. Что ему нужно. И, действительно, где ЗДЕСЬ? Что это за проклятое место. Пустое. Спрятанное.

В тумане промелькнула чья-то тень. Она проскользила так быстро, но так... словно это что-то неживое. Я не ощутил дуновение ветра от нее. И... туман... он даже не шевельнулся. Что это?

– Скорее! Оно настигнет тебя! Беги!

– Беги?.. Куда бежать-то? – я ощутил, как меня охватывает паника.

– Доверься самому себе, своей интуиции. Беги!

Тень промелькнула еще раз, она была уже близко. Я рванул, что есть сил, куда глаза глядят, но в таком густом тумане совсем ничего не видно. Я полагался лишь на то, что не наткнусь на что-то или не врежусь куда-то. Что это за тень, которая преследует меня? Что ей от меня нужно? Почему я должен бояться ее?

Я остановился на миг, чтобы передохнуть. Здесь так холодно. Я довольно терпим к низким температурам, и вполне могу находиться на улице при большом минусе в легкой одежде (но только не в воде). Здесь, должно быть, холоднее, чем в любом уголке земли, где только можно себе представить. Но воздух, который я выдыхаю, кажется, намного теп-

лее, чем тот, который вокруг меня. Не нравится мне тут. Нужно выбирать.

В короткое мгновение я ощутил резкую боль в левой руке, потерял сознание и... проснулся. Сон. Это был сон. Он был такой... реальный. Это невероятно.

На улице уже пробивались первые лучи солнца. Рассвет меня немного успокоил. Золотистый, ясный горизонт, твердь вокруг, теплый свежий воздух... Здесь совсем не так, как там.

Что это? Рука... моя рука, она в крови. Сквозь шерсть ясно проступали три больших пореза, словно меня полосовали когтями свирепый зверь. Похоже, это был вовсе не сон. Но это невозможно. Я был здесь, в своей постели. Я не мог никуда отлучиться, я же спал. Так и с ума можно сойти.

Я тяжело вздохнул, чтобы успокоиться, и поднялся с постели. Нужно чем-то перевязать рану. На кухонной полке должна быть аптечка. Я поднялся с постели и пошатнулся, ощутив, как мутнеет мой рассудок. Немного качаясь, спотыкаясь и задыхаясь, мне удалось добраться до кухни. Ощущение такое, словно я надышался этого едкого тумана, и он в буквальном смысле слова растворился в моей крови.

Заглянув в аптечку, я вдруг осознал, что не знаю какое лекарство мне нужно. А может, ничего и не нужно? Попью чаю и успокоюсь... ах, нет! Бинт. Нужно перевязать руку. Я накапал достаточно крови на пол, чтобы вспомнить о том, зачем вообще пришел сюда. Я чувствую, что этот сон повредил

мой рассудок. Нет, я могу поклясться, что это было на самом деле. Это был не сон. Теперь нет, я ясно осознавал это, несмотря на помутнение в голове. Руку я перевязал.

Выпив чашечку чая, я отправился на работу. Сегодня меня терзали мысли так сильно, как никогда прежде. Проснулся я, как оказалось, намного раньше прежнего. Парикмахерская была абсолютно пуста, Клайд еще не появился. Миссис Висси тоже еще не пришла. На пустых улицах было невероятно тихо. На мгновение я вдруг решил, что, может, сейчас я сплю. Но нет, рука саднит, это реальность. Дурман в голове растаял от напора мягкого прохладного ветра, летящего мне навстречу. Я отошел от этого болезненного состояния и осмотрелся. Беспокойство прошло, что было очень кстати, если учесть, что сейчас я иду на работу. Конечно, студия была еще закрыта. Странно, что я не подумал об этом, когда понял, что еще слишком рано для того, чтобы город проснулся. Хорошо, я могу пока дойти до пляжа. Да, мне надо немного отдохнуть от этих мыслей. Сон явно сводил меня с ума.

На пляже я присел возле большого валуна и припал к нему спиной. На минуту я закрыл глаза. Шум набегающих волн ласкал слух. Но проклятый сон никак не покидал моих мыслей. Мне чудился туман, эта странная тень... она приближалась так стремительно и бесшумно. Даже дуновения ветра не исходило от нее. Но... это невозможно. Это точно был кто-то живой, это было... что-то невидимое? Неуловимое глазу. На улице с утра очень тепло, но я вдруг ощутил холод

этого странного места. Он заставил меня съежиться и ощутить резкую боль, ту боль, что нанесло мне это невидимое существо, полоснув меня когтями по руке.

В следующее мгновение я ощутил, что кто-то касается моего плеча и, резко одёрнувшись в сторону, вскочил на ноги и огляделся. На меня смотрел широко открытыми глазами тот парнишка, которого я видел вчера вечером у миссис Висси. Он улыбнулся мне, слегка усмехнувшись, и спросил:

– Испугался?

Такого как не испугаешься... все тот же странный вид, да еще и посреди пустого пляжа бесшумно крадется ко мне и трогает. Впрочем, я мог не услышать его, поглощённый мыслями. Я так ему и не ответил, только взглянул сперва ошарашено, затем возмущенно, пока совсем не успокоился.

Но его насмешливая ухмылка вдруг сползла.

– Что с рукой? – спросил он с оттенком искреннего беспокойства.

Видимо, он был тут совсем недавно, и решил, что в наших краях не все так лучезарно и безопасно, как говорят в других землях.

– Это? А, это ничего, ерунда... порезался, – слегка замаялся я, пытаюсь придумать оправдание на случай, если он относится к тем личностям, что любят совать свои носы в чужие дела.

– А как? – насторожился он.

– На кухне. Нож выскользнул, вот я и... порезался. Он

упал просто. По руке скользнул. Ничего такого.

Кажется, он не совсем поверил. Однако допытываться не стал (хоть что-то более менее приятное в нем есть). Он подошел чуть ближе (отскочил я, надо сказать, неплохо) и снова улыбнулся:

– Доброго утра. А чего Вы так рано не спите?

Вы? Еще вчера он так свободно обращался ко мне на «ты», а сегодня вдруг такой учтивый. Я ощутил, как у меня по спине побежали мурашки. Я подумал, что до появления этого странного типчика у меня все было замечательно и никакие кошмары подобного рода меня никогда не посещали. А теперь... он с самого утра появился вдруг в пустом еще городе. Не где-нибудь, а именно здесь... Совпадение? Или он действительно просто пришел сюда случайно, судя по его одежде. Он просто никогда не видел пляжа, вот и все.

– Я... проснулся рано. Решил прогуляться.

– Это хорошо, утренний воздух бодрит. А я вот пришел искупаться, – совершенно спокойно рассказывал он, – Я родился и жил среди рек. В воде чувствую себя как дома. А тут еще и море. Никогда не купался в море.

Все мои подозрения сошли на нет. Да, он действительно немного странный деревенский простачек, но он просто скучает по дому. Никогда не уезжал так далеко.

У меня же, напротив, родины как таковой никогда не было. Сколько себя помню, никогда не знал, откуда я родом. Но это уже совсем другая история. Не хочу ударяться в про-

шное.

– Ну... купайтесь, – немного растерялся я, осознав, что слишком затянул с ответом.

Впрочем, судя по его виду, он ответа и не ждал. Он лишь задумчиво глядел в набегающие пенистые волны, укрывающие берег одна за другой. Парнишка снял с себя все лишнее, медленно дошел до причала и нырнул. Я даже засмотрелся на то, как он плавает. На миг мне показалось, что он совершенно не создан для суши, а родился и прожил всю свою недолгую жизнь в воде. Плыл он так плавно, грациозно. Было что-то завораживающее в его движениях. Что-то... не то чтобы магическое. Скорее, таинственное. Я никогда не мог понять, как сухопутное существо может плавать как рыба. Сам я плавать не умел. Когда он нырял, то сквозь прозрачную воду виднелись его движения. Медленные, танцующие. Только музыки не хватало. Арфа бы идеально подошла к такому случаю. Он напомнил мне сказки о водяных нимфах, что местные жители рассказывали своим детишкам. Они были детьми океана, водяными феями, существами невероятной красоты и грациозности, текли в водах воедино с течением.

У меня резко потемнело в глазах. В голове чей-то слабый шепот все сильнее и сильнее перебивал шум прибоя. Меня зашатало, я метался по песку из стороны в сторону, схватившись за голову. Уши пронзил сильный звон, он звучал все громче, проникая глубже в голову. Резко все стихло в голо-

ве. Опять шумели лишь набегающие волны, а в ушах пульсировала кровь. Я открыл глаза. Пляж все еще был пуст, а парнишка еще купался в морской воде. Он даже не заметил моего временного помутнения рассудка. Это, надо сказать, очень хорошо. Лишние расспросы мне сейчас ни к чему. Я не испытывал желания ждать, пока этот мальчик-рыба наплавается, и отправился на работу. Конечно, было невежливо уходить, не попрощавшись, но я был не в том состоянии, чтобы испытывать желание соблюдать правила этикета.

До работы я добрался быстро, поскольку был поглощен своими мыслями. Эта история со сном пугала меня все больше и больше. Я было подумал, что полоснувшее меня когтями животное впрыснуло в рану какой-то яд. Нет, ну что за бред... я лежал в постели, я в этом уверен. Я не мог оказаться где-то еще, да еще и... непонятно где. Почему мое сознание так резко помутилось, я никогда еще не чувствовал себя так отвратительно. Это не болезнь, точно. А если и была бы болезнь, то какая? Ничего подобного, пожалуй, я никогда не видел. Да, я не врач, но все же. Благо, что кровь остановилась и не проступала через повязку. Рана была достаточно глубокой.

На студии было довольно много народу. Странно, но ведь так рано мало кто приходит. Что, уже одиннадцать? Как так... я не мог потерять столько времени в пути. Что происходит?..

Я дошел до павильона и взял стаканчик с водой. Пара

глотков меня успокоят. Это все был сон, со мной все в порядке. Может, я и сейчас сплю, а все это мне чудится. Странный туман, рана, парнишка, – все это, все вокруг меня. Я очень скоро проснусь, и начнется новый день. Обыкновенный, как и все прочие в моей размеренной, устоявшейся жизни. На минутку я закрыл глаза.

Не знаю, что было после. Очнулся я уже в кабинете врача. Понял я это не сразу, потолки очень напоминали те же, что и у меня дома. Красиво переплетенные ветви вечно молодых лиственных деревьев. Я уж было подумал, что все это действительно было кошмарным сном, а сейчас все кончилось. Но свет из окна падал с другой стороны, а ветви были слишком уж тонкими. Врачом сегодня работал Шницель, небольшой йоркширский терьер. Он хорошо выполнял свою работу, сколько мне рассказывали. Сам я с ним ни разу не сталкивался, хоть и работал каскадером. На съемочной площадке в его смену калечиться мне еще не доводилось. Он ответственно относился к своей работе и никогда не пропускал мимо своего носа даже самые незначительные угрозы чьему-либо здоровью.

– Малкольм, ты меня слышишь?

Я нашел в себе силы только качнуть головой, так как еще не совсем пришел в себя.

– Ты можешь рассказать мне, что с тобой произошло?

Присевши на кушетке и свесив ноги, я наконец-таки продрал глаза. Дышалось мне несколько тяжело. Я посмотрел

на Шницеля и промолвил:

– Я... не знаю сам. Правда. Просто пил воду. Закрыв глаза. Всё. Что произошло?

– Ты потерял сознание. Не знаю точно, сколько ты так пролежал, но здесь ты был без сознания не меньше полчаса. Где ты поранился? – спросил он, кивнув в сторону моей повязки.

– Да я... порезался. На кухне.

– Покажи мне рану. Я обработаю ее как положено.

Я развязал узел на повязке и неспешно размотал бинт.

Шницель взял мою руку и прямо ахнул:

– Дак у тебя же нет тут ничего!

– Как ничего?

В самом деле. Царапин там не оказалось. Для пущей уверенности Шницель покопался в шерсти, рассчитывая, видимо, что царапины совсем небольшие и легко спрятались под густой шерсткой. Но нет. Абсолютно здоровая и невредимая кожа. Шницель тяжело вздохнул и посмотрел мне в глаза:

– Малкольм, ты меня прости, но тебе точно нечего мне сказать? С тобой что-то произошло?

– Нет.

Ну нет, конечно нет. Мне только не хватало оказаться в доме для душевно больных. Я в порядке. В полном. Иначе и быть не может. А с тем, что это было, я разберусь сам. И позже.

– Ну, – пожал он плечами, – как знаешь. Я не вправе сомневаться в твоих словах, но я сомневаюсь в твоём состоя-

нии. Что бы там у тебя не произошло, тебе следует отлежаться дома денек. Обмороки это не шутка. Работа у тебя опасная. Может, стресс или еще что похлеще. Отправляйся домой сегодня. Я предупрежу, кого надо, что ты не в состоянии работать. И, прошу тебя, не перечь мне. Я наслышан о твоём упорстве и ответственном отношении к работе. Я сам такой. Прописываю тебе покой. Никуда сегодня не ходи, отлежись, попей чаю с сонной травкой. Тебе это поможет. Я думаю, что ты просто маленько переутомился. Если, конечно, ты ничего не скрываешь.

Сопротивляться я не стал. Шницель повилял хвостом, улыбнулся мне и отдал листочек с назначением. По дороге домой я чувствовал себя совершенно нормально. Порезов больше не было, странных звуков тоже, голова не кружилась. Меня не знобило и не шатало. Всё было как и прежде. Выпив чашечку чаю, я прилег на диван в гостиной. Сонная трава сморила меня и я уснул.

Чувствовал я себя совершенно измотанным. Как-то вдруг резко похолодало. Может, меня снова знобило. Я решил, что на всякий случай надо бы укрыться. Но открыв глаза... черт! Я снова в этом ужасном месте. Едкий туман, холод... но на этот раз здесь как-то особенно мрачно. Словно самая черная ночь спустилась на эти земли. Я поднялся с пола, который все так же не ощущал, как и в прошлый раз. Вокруг было совершенно пусто. Лишь глухие звуки доносились от-

куда-то издалека. Будто что-то металлическое падало с горы, собрав все выступы на своем пути. Звуки доносились с разных сторон то четко, то прерывисто и расплывчато. Меня вновь одолело беспокойство. Где я, где? Что происходит? Я ощутил, как у меня потеют ладони. Ноги затряслись, словно вся твердь подо мной шаталась от пробудившегося вулкана, передавая беспокойство всему, что с ней соприкасается. Вдали послышался треск сухих сучьев, ломающихся под напором ветра, гнавшего туман в мою сторону. Я стоял как пригвожденный и не знал, куда мне идти. Никаких указаний от голоса, как в прошлый раз, я не получал. Идти самому было тоже не очень сподручно. Я все еще не забыл набегающую на меня тень, оставившую след на моей руке, который исчез так же внезапно, как и появился.

Долго так стоять я не мог. Мне нужно куда-то двигаться. Глупо было надеяться, что я выберусь отсюда как-то само собой, не прилагая никаких усилий. И тут я вспомнил слова голоса. Мне нужно положиться на свою интуицию. Тут у меня возникло внезапное противоречие. Мое нутро гнало меня вперед, на треск сучьев, навстречу ветру. Но страх гнал меня обратно. Может, именно там сейчас та таинственная тень, и на этот раз она не будет ко мне так благосклонна, как при первой встрече. Она не ограничится жалкими царапинами, а вполне серьезно может лишить меня жизни. Эта невидимая опасность подстегивала меня бежать прочь от ветра. Нет, я должен перестать полагаться на разум. Только инту-

иция. Страх живет в моей голове. Чутье живет в душе. Душа – одна из самых непостижимых вещей на свете. Она безгранична и эфемерна. Выжить в непостижимом уму месте возможно лишь благодаря столь же непостижимой вещи – души. Я двинулся вперед, против ветра. Шел я неуверенно и осторожно, немного крадясь, чтобы никто и ничто меня не услышало, если тут оно есть. Чем дальше я шел, тем сильнее меня охватывала уверенность, что я движусь в верном направлении. Мне казалось, что туман рассеивается, а звуки ломающихся сучьев стихают и растворяются вместе с туманом.

Не знаю, как долго я уже шел и насколько продвинулся, но туман разошелся достаточно сильно и скрывал мои ноги лишь на пару-тройку сантиметров. Очертания неких дверей начали чудиться мне вокруг. Я словно шел по большому, широкому, волшебному коридору без стен и потолка. Двери, как мне показалось, были антуражем и никуда не вели. Что-то мне подсказывало, что если я открою хоть одну, то там будет совершенно пусто. Я остановился. Туман стал легкой прозрачной дымкой, ползущей по черному полу, в котором виднелись отражения дверей и мое собственное. Теперь я точно знал, что я на чем-то стою. Я ощутил гладкий холодный пол под собой. Это успокоило меня еще больше.

Двери были совсем разные. Резные и простые, однотонные и разноцветные из различных материалов. Я продвигался медленно, чтобы все хорошо осмотреть. Насколько я по-

нял, мне нужна одна единственная дверь. Вот только какая именно? Некоторые материалы были мне совершенно неизвестны. Пожалуй, за всю свою жизнь я никогда еще не видел ничего подобного. Это было удивительно. Это место перестало меня пугать. Оно... заорожило. Я хотел бы исследовать здесь все. Подняв глаза, я понял, что и надо мной есть еще масса дверей, коридоров, словно не имеющих пола под собой. Двери будто висели в воздухе, они появлялись из ниоткуда. Миллионы дверей, как звезды, рассыпанные по ночному небу. Это было невероятно. А, может, все это лишь чудится мне? Я прикоснулся к увенчанной мягким желтым светом деревянной двери. Она, как и потолки в нашем городе, была сплетена из толстых ветвей деревьев. Только небольшая ее часть не была перекрыта веткой. Она была закрыта голубоватой водянистой пленкой, полупрозрачной и гибкой. Это водяное оконце переливалось светлыми лучистыми пятнами, словно блики солнечных лучей падали на морскую гладь. Мне это не чудилось. Это было на самом деле. Теперь я знал это.

Поразительно, сколько лет я ограничивал себя реальностью, совсем забывая и том, что наши фантазии куда выше этого. Что реальность переплетается с нашими мыслями и мечтами, создавая нечто особенное и неповторимое. Оно открылось мне. Оно было здесь, на расстоянии вытянутой руки. Живое, непостижимое уму. Как никогда настоящее.

Оконце блеснуло радужным пятном и... я проснулся.

На этот раз я не был покалечен, я чувствовал себя хорошо. Меня не трясло, голова не кружилась. Но сейчас, как никогда, я был уверен, что это было на самом деле. Я был там. Не здесь. Нет, телом, может, я был и здесь, но душа... я ощущал все это душой, я прикасался к чему-то не телесному, такому, что можно ощутить только душой. Я загорелся этой мыслью. Что бы это ни было, где бы я ни находился, — я непременно хочу оказаться там еще раз.

Глава II. Дорога к звездам

*Да, всех людей грызет тревога.
Своей пугаться нет причин.
Таких как я, возможно, много,
А ты такой – один.*

К тому времени как я проснулся, за окном сияло закатное солнце. Ощущение было ошеломительное. Мысли путались, я не знал, что мне делать и куда идти. Вдруг мою голову посетило недавнее обещание, я должен был зайти к миссис Висси. Солнце уже почти полностью закатилось в просторные морские воды, при всем желании, я бы не успел. Старушка закрывалась с таким расчетом, чтобы успеть домой до темноты.

В голове мелькнула последняя картинка, увиденная мной во сне. Яркое пятно на водянистом оконце. Не знаю зачем, но я кинулся на пляж. Может, что-то подскажет мне. Может, последний луч заходящего солнца мелькнет именно так, как нужно. Какие-то слепые желания и надежды оказаться там еще раз, но не во сне, а наяву. К счастью, во время заката улицы были практически пусты. Не нужно было пробиваться сквозь толпу, чтобы успеть и оказаться у воды в нужный момент.

Как я и ожидал, пляж был совсем пуст, если не считать

ночных моллийских светящихся крабов⁴, которые выползали в это время на охоту. Они терпеливо поджидали темноты и морского прибоеа, который выносил на берег моллию⁵.

Я успел как раз вовремя. Солнце достигло нужной точки на небе и на волнующейся морской глади заиграли яркие световые пятна, образуя затейливые узоры. Удивительно, что я раньше никогда не замечал этого. Хотя чему тут удивляться. Моя дорога чаще всего была одной и той же: на работу и обратно. Я не часто выбирался куда-то. К тому же заканчивал всегда до заката, а им самим любовался из окна своего дома. На таком большом расстоянии от моря пятен совсем не было видно. Я внезапно осознал, почему именно этот город получил свое название. Или нет? Интересно, кто-нибудь вообще знает об этом? Хоть кто-нибудь. Неужели никто и никогда не выбирался в это время суток на пляж? Это же так... восхитительно. Это захватывает дух. Как и то самое место, в котором я был еще недавно. Ха, как глупо... я столько времени сидел взаперти, как и жители этого города, оградил себя от мира. А зачем? В мире столько интересного и необычного. Нет, я больше не буду так глу-

⁴ Моллийский краб⁴ – морской обитатель, ракообразное. Получил свое название за счет главного источника пищи для своего вида – моллии.

⁵ Моллия – морская трава, выбрасываемая на берег пляжа в ночное время. Содержит различные светящиеся пигменты. Животные, поедающие моллию, светятся в темноте тем светом, который предпочитают употреблять в пищу. Свечение длится 15 часов – до полного разложения светящегося пигмента в клетках живого организма.

по тратить свою жизнь на обыденности. Сидеть дома, пить чай, играть на гитаре, читать книги... это все, конечно, здорово, но ЭТО... это стоит всех вечеров, потраченных впустую. Всех и каждого в отдельности.

Последний луч ушел за горизонт, но тут моему взору открылась не менее обворожительная картина. Блики солнечных пятен исчезли, но им на замену пришли яркие светящиеся молнии. Они выбрасывались на берег и замирали там. Крабы радостно защелкали клешнями и попятились к ним. Весь берег был усеян этой невероятной ночной радугой. Потрясающе. Неповторимый блеск огней, похожий... да ни на что не похожий! Такое невозможно ни с чем сравнить! Я замер. Меня охватило невероятное чувство полета. Я был счастлив. Вдруг я ощутил какое-то холодное шевеление у ног. Меня недовольно хватала за ноги крабы, спешившие полакомиться травами. Удивительно. А ведь я и не заметил, как подошел практически вплотную к этому манящему свету растений. Несколько огоньков зашевелились где-то неподалеку, словно затанцевали. Это были уже начавшие трапезу крабы. Они проглотили несколько молний и обрели замечательные окрасы. Красные, синие, желтые, зеленые... их так много, они все такие разные. Маленькие, шевелящиеся огоньки. А прибой все приносил новые травы, все мешал крабам питаться, смывал их и переворачивал. И тут мой взор упал на луну.

Она так мягко светила в небе, большая и круглая. Каза-

лось, что она вот-вот спустится вниз и упадет за горизонт, как солнце. Она одарила морскую воду белой волнующейся дорожкой, тянущейся к самому берегу. А как же волшебно таяли звезды в потемневших водах. Они то загорались, то скрывались в морской ряби. Те же маленькие разноцветные огоньки. Я вдруг подумал, как же интересно три стихии разлились яркими цветами. Берег в ярких крабах и травах, небо в блеске луны и звезд и море, сочетающее в себе их всех. Благодарь, спокойствие, счастье. Все это разом. Я присел чуть дальше крабов, чтобы не попасться под их клешни, и любовался этой живой картиной. Я даже не чувствовал холода.

Не знаю, что привело меня сюда, почему мне приснился этот сон, но я был уверен, что это не случайность. Столько лет я прожил в своем мире, огражденный от всего, привыкший к такой жизни с самого детства. Теперь же я ясно видел мир. Таким, какой он есть. Живой, настоящий, неповторимый.

Сидеть там до самого утра я не мог, осознавая, что завтра мне нужно снова идти на работу. Отряхнувшись от песка, я направился домой. Не спеша, прогулочным шагом. В окнах жителей свет уже не горел (разве что из детских падали слабые лучи ночников, чтобы малыши не боялись темноты, если вдруг проснутся посреди ночи). Я невольно задумался и о том, как интересно был устроен город. Дома местных жителей имели существенную разницу в сравнении со зданиями общего пользования: они были живыми. Весь дом полно-

стью был выращен (не построен) из деревьев. Стены, потолки – вся оболочка состояла из домунуса⁶. Это дерево вызывало уважение у всех живущих. Оно было для них особенным живым организмом, так щедро дарившим всем крышу над головой. Его прочная структура позволяла ему хорошо сопротивляться даже самой лютой непогоде, бережно сохраняя тепло внутри жилища благодаря смоле, которая текла внутри него. Смола домунуса поддерживала в нем оптимальную для растения температуру в любое время года. Она согревала зимой и охлаждала летом. В нашем городе зима как таковая никогда не наступала. Иногда выпадал снег, но он достаточно быстро таял. Льда жители города (те, что никогда не уезжали отсюда) в природе никогда не видели. Они любовались им лишь на картинках.

Общественные здания напротив создавались иным способом. Эту «фишку» привезли из дальних земель: в целом, здания так же были деревянными (а иногда и каменными), но дерево было мертвым. Как это? Да очень просто, его срубали и выпиливали из него различные конструкции для постройки. Чаще всего использовали несгораемое лавовое де-

⁶ Домунус – дерево, способное расти в несколько стволов, расширяя свои корни. Листьев не имеет, но способно утапливать в свою кору листья других деревьев и различные травы. При правильном обращении, домунусу можно придать любые формы и очертания, изменять толщину и направление роста стволов, переплетать их между собой, образовывать расстояния между стволами или плотно прижимать их друг другу (когда один ствол вырастает в другой). Выращивать такие дома способны только профессиональные строители-садоводы.

рево⁷. Его любили все строители за его необычное свойство: помимо несгораемости, оно замечательно работало в конструкции. А именно все трещины, которые образовывались в процессе эксплуатации, зарастали корой дерева, несмотря на то, что оно было мертвым. Правда, мертвым – это сильно сказано. Это было одно из немногих деревьев, продолжающих регенерироваться даже после срубания и многочисленных повреждений (из него вырезали конструкции разных форм и толщин). Я не очень понимал, как строители все это рассчитывают, пока не узнал, что это «у них в крови», как мне сказал один из них. И правда, это казалось даром. Они строили по наитию, полагаясь только на интуицию. И, надо признать, никогда еще не ошибались, насколько мне известно.

Наконец, я добрался и до своего жилища. Мой дом, как и прочие, тоже был выращен из домунуса. Он отличался от других тем, что у меня ветер не гулял. Почему? Все просто, у меня были закрыты окна. Я, когда только приехал сюда, раздобыл в южных лесах прозрачные листья хрустально-го папоротника⁸ и установил их в круглые оконные проемы. Они благополучно обволоклись домунусом и служат мне ве-

⁷ Лавовое дерево – дерево без листьев с толстой и прочной корой, обрастающей ствол обхватом в среднем в 20 рук. Лавовое дерево растет на склонах внутри жерла вулкана, обращаясь верхушкой к магме. Это дерево не горит и листья не имеет.

⁸ Хрустальный папоротник – растение с крупными прозрачными, сплошными и прочными круглыми листьями.

рой и правдой до сих пор. Правда, я обработал края листьев, чтобы можно было открывать окна и впускать свежий воздух, а чтобы ветер не открывал их сам, прирастил к домунусу гибкие веточки ламаны⁹. Закрепил я их так, чтобы иметь возможность открывать окна как внутрь, так и наружу. Чтобы листья не сгибались под собственным весом, их я обработал прозрачной смолой и обжег ее, чтобы она затвердела. Все в комнатах (кроме потолков, их я трогать не стал) я окрасил краской из бутонов ламанарии. Жесткого различия стен от потолков не было, ведь их образовывал один ствол, тянувшийся до самого верха. Чтобы создать это самое различие, пришлось еще прирастить к ним несколько длинных веток (кажется, в строительстве это называют плинтусом). Пол у себя дома я просто обожал. Он был застлан мягким мхом. К тому же, благодаря одной хитрости, мне удалось сделать так, чтобы в разных комнатах его цвет отличался. Мох рос, подпитываясь водой из земли. Я всего лишь окрасил воду с помощью той же ламанарии и поливал ей мох. У меня была мысль сделать узор таким способом, но я отказался от нее. Однотонный пол мне больше был по душе. Дом мне достался совсем новым, как вы уже поняли. Не окрашенный, без пола и мебели, без светильников и водоорганизации (так у нас называют водопровод).

⁹ Ламана – цветочный куст с гибкими тонкими ветками, образующие завитки на конце, на которых растут бутоны ламанарии, из которых добывают пигменты для красок. Бутоны ламанарии шарообразной формы, мягкие и пушистые, помещаются в ладонь.

Все теми же листьями хрустального папоротника я смастерил себе люстры, которые обсыпал светящимся порошком. Его делали дроблением горных камней – ночных самоцветов. Они светились только тогда, когда вокруг темнело. потушить их было не очень сложно, достаточно было немного намочить водой (поэтому находили их только в сухих пещерах). Хотя у меня было несколько и целых самоцветов. Я установил их как небольшие настольные и напольные лампы. Водоорганизация была у нас очень необычная. Вместо кранов росли большие тонкие трубчатые цветы, высасывающие воду из-под земли. Когда их бутоны смотрели отверстием вверх, то вода не бежала. Для этого было нужно опустить бутон вниз. Он легко занимал и сохранял то положение, которое ему придавали. Для того, чтобы вода была теплой, стволы цветка располагали между стволами домунуса, чтобы он своей смолой нагревал воду. К тому же, вода, проходящая через ствол цветка, очищалась и была пригодна для питья каждому живому существу, поскольку остальным питался сам цветок. Такие замечательные растения всегда обитали на берегу озер, образуя маленькие водопады, бьющие струей вниз. К сожалению, названия этого растения я так и не знаю.

Двери в разных жилищах обитатели выбирали сами. Кто-то вытачивал их из горной породы, кто-то из дерева. Я же выточил себе двери из породы иллюзорного камня¹⁰, внешне

¹⁰ Иллюзорный камень – горная порода, находящаяся на холмах и горных мас-

очень напоминающего дерево (от настоящего внешне не отличить), но более прочного. Двери я организовал практически так же как и окна, только сделал во входной двери замок: выточил отверстие под выращенный в домунусе живой камень¹¹, а из камня-паразита¹² выточил себе ключ. В этом городе никто ни к кому не заходил без спроса, но с целью защиты от путников, проходящих свой маршрут через город (мало ли что у них на уме), замки все же ставили.

Я бросил ключ на полочку возле входа и добрался до подоконника в гостиной. День выдался богатым на события. Ну как на события... День-то был обычным, а вот мое мировоззрение значительно пострадало. Или напротив, очень обогатилось. Интересно, а как много всего на свете такого, о чем я знал, но не обращал внимания? Всего необыкновенного, такого, что не поддается спешному разуму, а отдает предпочтение спокойной бесконечности и отсутствию времени. Сколько всего способно потрясти, удивить, восхитить и врезаться в память. Впервые за долгое время мне захотелось вырваться из этого города и отправиться еще куда-то, устроить се-

сивах. Иллюзорный камень обретает внешний вид того материала, рядом с которым он образовался. На приобретение окраски у породы уходило не меньше 134 веш, после чего окрашивание прекращалось.

¹¹ Живой камень – горная порода, способная сжиматься, когда к нему прикасается камень-паразит, выросший в него при образовании породы. Работает и при отмершем камне-паразите.

¹² Камень-паразит – горная порода, прирастающая к другим породам с целью выживания. Без камня-хозяина он не разрастается и отмирает, прекращая рост.

бе маленькое приключение, попутешествовать по миру. Мне никогда не хотелось этого после того случая в мегаполисе... Нет, что за глупости. Мало ли что может случиться во время странствий по миру. Хотя... это было так давно. К тому же сейчас мне и некого терять. А стоит ли? Мой взгляд застыл на ночном небе. На этой бесконечности. Звезды... а что это, в самом деле? Это всего лишь маленькие мерцающие огоньки в ночном небе. Но мы только видим их такими, не так ли? Как жаль, что я не могу до них дотянуться и узнать, что же это такое! И никто никогда не говорил мне об этом. А ведь я всегда хотел узнать. И будучи ребенком, всегда думал, что когда-нибудь обязательно узнаю. Спрошу кого-нибудь или прочитаю в книге. Или... если бы только они сами могли мне сказать... но они молчат. А чего еще я мог ожидать? Может, они и вовсе не живые. Не знаю. Уже достаточно поздно, а завтра нужно работать. Работа... ах, сейчас она кажется такой рутинной! Ощущение такое, что я все время жил на автopilоте, а сейчас очнулся. Надо бы всерьез подумать о том, чтобы что-то изменить в своей жизни. Переехать? Нет, не вариант, пожалуй. Менять одну рутину на другую? Глупости. Путешествовать? Это вариант, да. Но для этого нужно иметь хоть какое-то более менее хорошее представление о мире: как выжить, куда отправиться и что делать. Об этом следует подумать. Завтра. Сейчас я слишком устал.

За окном внезапно поднялся сильный ветер. Это странно, таких порывов в наших краях никогда не бывало. Надо бы

проверить, что там случилось. Вдруг это не просто капризы погоды, а нечто большее, чем просто ветер. Я взял ключ и вышел за порог. Дверь тут же захлопнулась от порывов шквального ветра. Он дул в сторону моря, унося с собой листья и уличную пыль. Вопрос был только в одном: узнать, откуда он дует или куда? Будет очень неудобно идти против ветра, закрывая глаза от грязи, летящей прямо в лицо. К тому же, кто знает, как далеко придется идти в ту сторону, откуда он дует. Там лишь большая равнина и едва виднеется лес. До моря идти значительно меньше, сперва проверю, куда рвется поток холодного воздуха.

Подгоняемый ветром, я быстро добежал к песчаному берегу. Видимость была ужасная, так как песок взмывал высоко вверх, и разглядеть что-то было практически невозможно. Но я оказался прав, он дул именно сюда и не уходил в море. Он кружил на берегу, создавая воронку из мелкого белого песка. Я понял это, потому что у самой воды ветра не было абсолютно. На подходе к берегу это было хорошо заметно, вода не была встревожена. Даже рябь не колебала ровный след луны. Особого выбора я не видел: не для того я сюда добирался, чтобы просто развернуться и уйти. Мне необходимо пробраться внутрь воронки. Пусть даже с закрытыми глазами, медленно переступая, но я хочу знать, что внутри, а разглядеть со стороны просто невозможно: песок слишком густо спутался с ветром. Так я и поступил. Медленно шагал вперед, пытаясь устоять на ногах. Уши пришлось как можно

ближе прижать к голове, чтобы в них не забился песок. Я ощутил, что он больше не бьет по телу. Сперва подумал, что прошел мимо, потом, что внутри ничего не было. Открыв глаза, я понял, что очутился в самом центре песчаного бурана. Но там было пусто. Я обернулся и тут же отпрянул в сторону. Передо мной стояло высокое существо в длинном черном балахоне. На его лицо был сильно надвинут капюшон, чуть ли не до самого подбородка, поэтому разглядеть даже вид этого животного (если это было животное) было невозможно. Оно пару секунд постояло на одном месте, а затем медленно попятилось назад, прямо в буран, и исчезло в нем так же внезапно, как и появилось. Оно хотело что-то сказать мне, но как-то без слов. Возможно, что на том месте, где оно стояло, что-то зарыто. Сейчас проверим.

Так и есть. В песке находился маленький серый каменный сундучок. Как только я достал его из ямы, ветер улегся в одно мгновение, и песок ссыпался наземь, словно просыпанный сахар. Открывать сундучок я не стал, да и не смог бы, как я понял это позже: крышка намертво пристала к основанию. Мне не оставалось ничего другого, кроме как взять сундук с собой и отправиться домой. Возвращаться по безветрию значительно проще. Хоть я и не думал, как пойду обратно, если ветер не стихнет.

Добравшись до дома, я оставил сундучок на журнальном столике, упал на диван и тут же заснул.

Глава III. Странник

*Ты ищешь свою дорогу,
Теряя себя по пути.
Но, может быть, так ты сможешь
Другого себя найти?*

*Забудь о своем прошлом,
Отправься в дорогу сам,
Свои проживая весны
Доверясь вокруг чудесам.*

*Забудь о мирских заботах,
Забудь что такое страх.
Твой меч у тебя в ножнах.
Сейчас все в твоих руках*

Эту ночью, а точнее то, что от нее осталось, я спал очень крепко и умиротворенно. Никаких снов так и не видел. Можно было бы подумать, что Шницель оказался прав, я действительно немного переутомился и мне нужен был покой. Я бы так и подумал, если бы не сундучок на моем столике, который мне удалось добыть вчера во тьме песчаной бури. Проснулся я поздновато. На часах было начало одиннадцатого. Интересно, а что внутри этого странного каменного ларца, грубого, неотесанного серого гранита? Узнать сейчас или сперва отправиться на работу? Нет, сундук подождет.

Да и я не знаю, как мне оторвать от него крышку. С другой стороны, у меня еще есть немного времени, чтобы собраться на работу и явиться на съемочную площадку до прихода актеров.

Я так и упал на диван после своих походов, не очистив шерсть от песка и пыли, поэтому первым делом отправился в душ. Теплая вода с утра очень приятно усыпляет и успокаивает. Поэтому после водных процедур неплохо бы выпить чашечку ароматного цитрусового чая, чтобы взбодриться. Окно на кухне и в гостиной располагалось очень удобно: солнце восходило и заходило глядя прямо в него. Я встречал день и заканчивал его вместе с солнцем, ощущая его горячие лучи. Но с начала восхода уже прошло несколько часов и солнце немного сместилось со своего привычного положения: ему нужно успеть обойти весь круг и зайти за море в том же месте до того, как над ним взойдет луна.

Я поставил пустую кружку апельсинового чая на стол, потянулся и широко зевнул. Мне совершенно не хотелось торопиться на работу. Она казалась такой ненужной и бессмысленной. Наверное, так и было. Кто смотрит эти фильмы? Я точно нет, и, насколько мне известно, никто их не смотрит в этом городе, кроме детей и старичков. Им это в радость. Первым, потому что так они познают мир: плохое и хорошее, опасное, интересное, полезное. А вторым, потому что у них недостаточно уже сил и энергии, чтобы отправиться в путешествие. Что касается лично меня, я не смотрел эти филь-

мы уже хотя бы потому, что полностью знал их содержание. Кроме того, книги были для меня интереснее: в них ты видишь все так, как рисует твое воображение, а не режиссер.

Я не спеша выдвинулся в сторону студии. По улицам уже оживленно двигались горожане. Кто-то шел на работу, как и я. Другие просто прогуливались, скрашивая досуг. Третьи направлялись по своим делам. Помнится мне, что в мегаполисе все движутся быстро и суетливо. Здесь же никто никуда не спешил. Каждый житель точно знал, где и во сколько ему нужно очутиться, и планировал завтрашний день заранее. Заходить к Клайду я не стал, у него уже сидела пара клиентов. Ему было не до меня. Не только из-за работы. Из окна слышалось, как он чирикает клиенту очередную забавную историю о своей маленькой племяннице, которая только учится говорить.

Я собирался зайти к старушке Висси, чтобы извиниться за то, что не пришел к ней вечером. Но и она была слишком занята, чтобы обратить на меня внимание. Рабочий день уже был в самом разгаре для всех жителей. Я оставил ей записку на клиентской доске для заказов (она хозяйничала на кухне) и пошел дальше.

На территорию студии постепенно прибывали актеры. Они приветливо здоровались друг с другом, смеялись и делились последними новостями. По дороге в павильон я встретил Шницеля. Он дружелюбно завил хвостом и заулыбался:

– Малкольм, доброе утро! Гляжу, тебе уже гораздо легче. Вид вполне здоровый и довольный. Отдых пошел тебе на пользу.

– Здравствуйте, доктор Шницель. Да, вы совершенно правы. Благодарю вас за оказанную помощь, – я пожал ему руку.

– Ну что ты, это моя работа. Я люблю ее и очень ответственно отношусь к каждому своему пациенту.

Мы попрощались и разошлись. Его слова заставили меня задуматься. А люблю ли я свою работу? До вчерашнего вечера мне казалось, что люблю. А сейчас... я не хотел идти на работу. Я стал считать ее рутинной. Какая эта любовь? Нет, я всегда очень ответственно подходил к ней, как и доктор Шницель, но никогда не думал о том, что мне это нравится. Наверное, это не мое, и мне стоит серьезно задуматься о том, чтобы бросить это дело. Теперь мысль о путешествии не казалась такой уж безумной. Возможно сейчас это то, что мне необходимо. Об этом я как раз собирался подумать сегодня. Но только не на работе, нет. Сейчас я хороший работник, не время думать о личном.

Я зашел в пустой павильон и подошел к столику с напитками. Солнце сегодня было жарким, от этого очень хотелось пить. В стаканчики уже разлили свежий лимонный сок. Я сделал пару глотков и застыл со стаканчиком в руке, закрыв на минуту глаза. Мне как никогда хотелось уйти со студии куда-нибудь подальше, неважно куда. Меня испугало чье-то прикосновение к плечу и звонкое «привет», следующее

за ним. От такого неожиданного приветствия я подпрыгнул и уронил стаканчик. Передо мной опять стоял тот паренек, что напугал меня вчера на пляже. Он что, преследует меня и в самый неподходящий момент крадется сзади, чтобы застать врасплох? Я облегченно выдохнул:

– Колокольчик бы тебе на шею.

– Извини, – засмеялся он, – не хотел напугать тебя. Снова.

Наступило неловкое молчание. Наверное, мое недоверчиво-снисходительное выражение лица заставило его чувствовать себя виноватым и на пару секунд потупить взгляд в пол.

– Что ты тут делаешь?

– Я? – удивился он, – я тут работаю. Вроде как...

– Что? Работаешь? Кем?

– Я устроился механиком, – довольно сообщил он, – теперь вот ремонтирую тут все, что ломается. А ты тут тоже работаешь? А давно? Тут интересно? Я много фильмов смотрел, мне нравится кино. Всегда хотел узнать, как его снимают. А ты актер? Или режиссер? А что ты делаешь?

– Так, тихо-тихо. Стоп, парень. Слишком много вопросов. Для одного раза. Тебе вообще хочется получить ответы или у тебя такая странная потребность сказать как можно больше?

Он вздохнул и обиженно отвел взгляд.

– Ладно, прости, я погорячился... Да, я тут работаю. Я каскадер.

Он тут же оживился. Взгляд его засиял. Похоже, его эта

мысль зацепила:

– Каскадер? Ух ты, как интересно! Значит, ты трюки выполняешь за актеров?

– Да, так и есть.

– Здорово. А это же опасно. Ты часто калечишься?

– Ну, бывает иногда. Редко. Не сильно, – сказал я, заведя в глазах очередной вопрос.

– Интригующая работа. Должно быть, ты ее очень любишь, раз еще не ушел.

– Да... да. Люблю. Слушай, я бы рад еще тут с тобой поболтать, но мне надо идти. До свидания.

– Хорошо. Если что, то я всегда рад пообщаться. Пока! – крикнул он мне вдогонку.

Люблю свою работу... Да что тут происходит? Слишком много напоминаний об этом. Работа... кому она сейчас нужна? В мире и без нее много интересного. «Интригующая работа»... никакой интриги, все совершенно обычное и привычное. Одни и те же лица, одни и те же задания. Надоело. Вот он, ответ на мой вопрос. Мне нужно бросить привычную жизнь и отправиться в странствия. Увидеть мир, узнать его лучше, прочувствовать.

Эта мысль меня зажгла. Зачем оставаться сейчас, что-то доделывать? Я могу просто уйти. Взять и уволиться. Мне это больше не нужно, это угнетает меня. Не желаю больше быть бездумным роботом, который проживает свою жизнь, как заложенную в него программу.

Я вышел из павильона и направился к выходу. Ситуация была ясна как никогда. Все эти знаки, сны, все вело меня к этому. Будто-то бы что-то неведомое вытянуло меня из долгого и беспробудного сна. Оно влекло и манило с каждым часом все сильнее. И я просто обязан узнать, что меня тянет, кто направил меня. Это кажется безумием... Похоже, что теперь я увидел ситуацию с другой стороны, под другим углом. Ведь все эти сектанты и безумцы видят все совершенно иначе, чем те, кто вокруг них. Они находят в своих новых убеждениях то, что меняет их представление о мире, их сознание, и при этом считают себя абсолютно здоровыми. Может, поэтому они и не могут понять, что больны? Потому что не считают это болезнью. А может это и не болезнь вовсе? Просто другие не видят того, что видят они! Неужели все, кто видят мир иначе, безумны? Этого просто не может быть. Ведь именно новый взгляд на мир порождает новые идеи, великие открытия, немыслимые изобретения. Так достигается то, что раньше казалось невозможным. Не попробуешь – не узнаешь, так? Вот я и попробую. Даже если я и сбрендил, что с того? Если не рискнуть, то можно многое упустить. А если рискнуть... многое обрести. Я получу шанс изменить что-то. И, возможно, не только в своей жизни. Мы не безумны. Мы всего лишь смотрим на мир иначе.

На выходе из студии охранника не оказалось, поэтому мне удалось уйти незамеченным. Да, нехорошо вот так скрываться, не сказав последнее прощай. Но я чувствовал всей ду-

шой, что мне необходимо понять, что так сильно влечет меня. А главное – куда. Я изменил свой привычный маршрут до дома и пошел длинной дорогой, в обход оживленных улиц. Меньше всего сейчас мне хотелось с кем-нибудь столкнуться и что-то объяснять.

Добравшись до дома, я тут же взял в руки сундучок. Я уверен, что разгадка кроется в нем. Если у меня получится открыть его, то я все узнаю. Но как бы я не бился над ним, проклятая крышка все никак не поддавалась. Открывать ее руками было бессмысленным занятием, даже инструментам для обработки горных пород этот ларец не хотел подчиняться. Снять хотя бы каменную пыль с него никак не получалось. Он будто бы был заколдован. Не может же такого быть! Магии не существует! Или я не прав? Так или иначе, сколько я с ним не возился, он так и не открылся.

Тут кто-то настойчиво постучался в дверь. Я поставил сундучок в ящик под телевизором и отправился к двери. На пороге стоял запыхавшийся Шницель с большими от страха глазами. Завидев меня, он быстро завилял своим изогнутым хвостом и обнял меня:

– Малкольм, ты в порядке! Я уж было чуть с ума не сошел! На студии тебя обыскали, ты как сквозь землю провалился! Никто не видел, как ты ушел, да и куда вообще в разгар рабочего-то дня? Что с тобой случилось? Почему ты здесь?

Я тяжело вздохнул и закрыл глаза:

– Шницель... я решил уволиться. Эта работа не для меня.

Да и не только работа. Я не могу объяснить этого, но мне нужно уйти из города. Правда нужно, это просто необходимо сейчас. Я действительно здоров, – сказал я, заметив, как он открывает свою сумку с медицинскими аппаратами, – Просто это то, чего требует душа. Я не хотел, чтобы ты так волновался, но... я... прости.

Я видел это чувство в его глазах: он был расстроен. Нет, не тем, что я сбежал, никого не предупредив, а тем, что я ухожу. Мы не то чтобы хорошо общались со Шницелем. Мы не были друзьями, но он просто привязался ко мне. К тому же, он всегда не любил, когда кто-то уходил, и был невероятно счастлив, когда кто-то возвращался. Шницель медленно закрыл свою сумку, опустил взор в пол и прошептал:

– Я буду скучать по тебе.

– Я тоже, Шницель. Я тоже.

– Ну... тогда сообщу начальству о твоём уходе. Вечером принесу тебе документы на подпись. Пока, Малкольм.

– Пока...

Я почувствовал себя паршиво. У меня не было друзей в этом городе, но меня знали многие. Не скажу, что я буду сильно скучать по ним, да и они по мне тоже. Но всегда тяжело, когда что-то привычное вдруг меняется. Сразу начинаешь смотреть на вещи по-новому. Все остальное кажется таким маленьким, незначительным. Тебе хочется, чтобы ничего не менялось, чтобы все было как прежде. Нет, я не могу отступить назад. Уже слишком поздно.

Я упал на подоконник в гостиной и посмотрел в окно. Море. А справа город. Слева равнина. Позади равнина. Я уйду из города, но вернусь ли? Я даже не знаю. Пусть все идет своим чередом. Впереди целый мир, огромный и необъятный. Сколько всего еще предстоит сделать. Я взобрался на крышу, чтобы осмотреть городок. Он был хорошо виден, ведь я жил на высоком холме. Солнце полностью освещало все окрестности и ровно ложилось на морскую гладь. Время остановилось для меня. А ведь это именно то, чего я хотел. Чтобы больше ничего не планировать, никуда не спешить. Если подумать, я никогда еще так просто не валялся на крыше и не думал о чем-то. Всю жизнь пытался чем-то себя занять, чтобы не тратить время впустую, а на самом деле только это и делал. Эта жизнь не для меня. Меня ждет что-то другое. Может быть, оно там, за равниной и лесом. Что-то особенное, то, чего я так долго не мог разглядеть. Оно там, за горизонтом. И я обязательно туда дойду. Уже скоро. Я больше не хочу так спешить туда, сломя голову, как это было несколько часов назад, когда я ушел со студии. Сейчас я был совершенно спокоен и... счастлив? Пожалуй, это именно то чувство. Легкости и полета, свободы, когда слабый ветер обдувает лицо, и листья на деревьях медленно качаются, как волны в океане. Лежа на крыше и глядя на маленькие перистые облака, я мечтал взлететь туда, ввысь, и осмотреть все окрестности. Так и задремал, в мечтах. Мне снились заоблачные дали, неведомые существа, неповторимые красоты

природы.

Меня разбудил стук в дверь. Время уже шло к закату, солнце почти дошло до того места, где оно сладко дремлет всю ночь. Я спустился с крыши в гостиную через окно, как и залез, и открыл двери. Передо мной стоял тот же рыженький парень, что недавно приехал в этот город. Может, я был прав с самого начала, и все это не совпадение. Он пришел, а я уйду. Все в городе будет так же, как и было без него. Только теперь в нем не будет меня. Теперь он будет беседовать с Клайдом (а два таких болтуна точно найдут, о чем поговорить), чинить печи доброй Висси и работать на студии. Теперь я начал ему симпатизировать. Одет он был намного лучше, чем при нашей первой встрече: простая зеленая футболка, бежевые шорты и простые шлепанцы. Он улыбнулся, когда я открыл дверь:

– Привет. Я принес тебе документы. Шницель не смог сделать это сам, ему немного грустно. Он просил передать тебе, что он будет скучать, и желает тебе гладкой дороги.

– Спасибо, – улыбнулся я в ответ, – Привет, да. Извини, я иногда забываю здороваться.

– Ничего страшного, – заулыбался он еще сильнее.

Что-то было в этой улыбке. Невероятно добродушное и искреннее. Я будто смотрел в зеркало. Значительно видоизмененное, но это было мое отражение. Я читал в его глазах самоотверженность и честность. Он был хорошим существом, это видно.

– Хочешь войти? Угощу кружечкой мятного чая с клубникой, абрикосовым рулетом. Что скажешь?

– Да, я с радостью, спасибо.

Его глаза засветились от счастья. Он будто бы чувствовал, что нашел свое место. Такое, в котором он нужен. В котором счастлив. Я проводил его на кухню и заварил нам по кружечке чая. Документы он положил на кухонную тумбочку возле окна и сел за стол:

– У тебя очень красивый дом. Я только въехал, так что у меня пока что пусто. Зато водоорганизация исправно работает, цветы еще совсем молодые.

– Да, спасибо. А ты случайно не знаешь, как эти цветы называются?

– Знаю. Я рос в речном городе, у нас их очень много растет. Это северная лилия. Зимой она замерзает, и так красиво! Вместе со струйками воды, которые она выпускает. На озере картина смотрится завораживающе. Множество разных цветочно-ледяных арок всех размеров. Дети всегда катаются на льду между ними, каждую зиму. И я там катался с сестрами.

– Как здорово. А почему ты уехал? – я вдруг подумал, что, может, и его внезапно потянуло куда-то, как и меня.

– Мне несладко жилось там, – погрустнел он, – Но я не хочу говорить об этом. В общем, я отправился сюда, чтобы изучить новые механизмы. Привезу потом домой новые технологии и знания, навещу семью. Я докажу всем жителям, что

я не олух. Я многое могу.

– Ты молодец, – искренне загордился я им, – Это правильно. Ты можешь все, если у тебя есть стремление чего-то достичь.

– Спасибо, – он снова повеселел, – А почему ты оказался здесь? И почему уезжаешь?

Я поставил кружку на стол:

– Видишь ли, я никогда не знал своей семьи. Я был совсем ребенком и жил в большом мегаполисе, на улице. Потом... в городе случилась одна трагедия, не спрашивай какая, и меня переселили сюда. Тут я и жил все это время. А сейчас... наверное, я готов отпустить это место и двигаться дальше. Я слишком засиделся в этом городе, меня ждут новые свершения. Я хочу узнать мир.

Он задумался и немного поник:

– Знаешь... жаль, что ты никогда не знал семью. Даже не представляю, как тебе жилось. Мне и с семьей-то тяжело приходилось, а тут...

Наступило неловкое молчание. Он молча допивал свой чай, так и не прикоснувшись к рулету (очевидно, что по пути ко мне, он зашел к Висси).

– Пойдем в гостиную. Я подпишу бумаги и отдам их тебе.

– Да, конечно.

Пока я читал документы, Джейсон рассматривал книги у меня на полке, осмотрел комнату и полюбовался началом заката. Я достал ручку и начал подписываться. На последней

бумаге я по привычке произнес свое имя:

– Малкольм Тернер... все, готово.

Вдруг в шкафчике под телевизором послышался глухой одиночный стук. К моему сожалению, Джейсон тоже услышал этот звук:

– Что это было?

– Это? Понятия не имею.

Я открыл шкафчик. Там стоял тот самый сундучок, но на этот раз он был открыт! Не знаю, сам он открылся или мое имя было паролем (если он был заколдован), но он действительно был открыт. Внутри сундука лежал маленький сверток старого пергамента. Я развязал узелок и развернул листок. На нем была странная надпись, которая меня отключила на несколько секунд, и я замер. Там было написано: «На языке отшельников из древнего мира „Малкольм“ – значит „странник“».

Теперь я убежден, что все события за последние три дня точно были не случайны. Это послание для меня, и оно определено что-то значит. И что это за отшельники? А что еще за древний мир? Есть еще какой-то мир?

Мой гость оказался слишком любопытен и прочитал записку, стоя у меня за спиной:

– И что это значит?

– А тебя не учили, что читать чужие письма нехорошо?

Он виновато опустил уши и посмотрел на меня таким взглядом, каким домашние питомцы выпрашивают что-то

вкусненькое со стола. Я смягчился:

– Не делай так больше.

– Извини. Больше не буду.

Он взял документы с журнального столика и отправился к выходу. У самой двери он остановился и, перед тем, как выйти, сказал:

– До свидания. Счастливой дороги.

И он закрыл за собой дверь. Мне же вовсе было не до эмоций. Что бы это могло значить?

Я снова забрался на крышу. Закат был в самом разгаре: все небо охватил бархатный оранжевый свет. Ветер уже улегся, а листья неподвижно не жились под последними лучами заходящего солнца. Прохожие шагали к своим домам, завершив последние дела на сегодня, а я вновь, вот уже второй вечер так и не притронулся к книге и гитаре. Да и не тянуло, если честно. Мне, как и прежде, нравилась картина уходящего дня, но сегодня она была особенно прекрасна. Почему? Может, потому что моя жизнь изменилась. Завтра я отправлюсь в путь. Больше никаких мещанских забот, только дорога и весь мир впереди. Я сидел там, на крыше, и ясно видел, кем я был, кем стану в ближайшем будущем, и кто я есть сейчас. И тут я понял, что время, которое я так страстно желал остановить, всегда будет идти для меня и каждого живого существа в мире. Оно вечно для одной лишь природы, а для нас оно отмеряно частями. Оно делит нашу жизнь, рисуя границы. Порой они четкие и ясные, порой не очень, а иногда

их настолько невозможно рассмотреть, что кажется, будто их нет вовсе, но они существуют. Перекликаются, пересекаются, возвращают назад или заставляют прыгнуть далеко вперед, но они будут всегда. Они неизбежно имеют как начало, так и конец. Время, которое отмеряно одному, всего лишь кусочек огромной мозаики, которая растет каждый раз, когда появляется новое существо. Все вместе мы сплетаем вечность из тонких нитей своих жизни. Мы переплетаемся между собой, заканчиваемся, и нас продолжают другие нити. Мы можем становиться прочнее или же наоборот, – надрываться и тянуться из последних сил, пока совсем не разорвемся. Я чувствовал себя той самой нитью, которая помогает времени существовать дальше. Нитью, по которой можно отследить часть истории, которая помогает увидеть картинку целиком или хотя бы часть ее. Я люблю этот мир. Люблю так же сильно, как и он меня. Но только он знает обо мне все, а я о нем почти ничего не знаю. Поэтому мне нужно отправиться в путешествие. Поэтому я должен все узнать. Чтобы не выпасть из времени, а помочь ему сплести свой прекрасный ковер бесконечности. Большой и необъятный мир, который зазывает меня к себе, пытается рассказать мне массу интересных историй, показать множество невероятных картин. Он окрашивает каждого из нас изнутри, делая нас неповторимыми, меняет нас или оставляет прежними. Он направляет нас и следит за нами, считая нас не просто своими детьми, а частью себя самого. Так и есть. Он дает нам все и никогда

ничего не жалеет. Он помогает нам жить дальше и поддерживать его самого. Это нерушимый союз, связанный одним только временем в единое целое. И я хочу всегда быть его частью, всегда поддерживать его и хранить, содействовать ему во всем, лишь бы его чудесное существование никогда не закончилось. Он заслуживает это за все то, что он делает для каждого из нас, хоть и не просит ничего взамен. Да и что ему просить? У него есть все, что нужно. Все, что достаточно для существования. Я буду любить его вечно: за солнце и луну, за воду и воздух, за все его дары и возможности. За то, что он просто есть и он рядом.

А тем временем, солнце одарило землю последними лучами и отправилось в глубокие воды до завтрашнего утра. Его сменила яркая синяя луна, а значит, сегодня началась новая веша. Следующие два дня в городке будут выходными, а завтра уже взойдет зеленый пулот¹³. Каждый раз, когда вижу их на небе вместе, радуюсь. Сам не знаю, почему. Наверное, потому что они всегда вместе, но видно их такими только три дня за вешу. Будучи малышом, я думал, что пулот каждый раз отправляется в путешествие, и боялся, что он не вернется. Поэтому всегда был счастлив, когда видел его на небе снова. Кажется, что я думал так, потому что слышал сказку о луне и пулоте, но сейчас уже точно не помню.

¹³ Пулот – так называемая «луна луны», спутник луны, который появляется на следующий день после смены вешы и виден на небе трое суток. Пулот меняет цвет по вешам, как и луна, но всегда отличается цветом от нее.

Я мало помню это время своей жизни, разве что отдельными картинками или обрывками мыслей. Думаю, что отправлюсь в путь завтра после захода солнца. Хочу последний раз полюбоваться на ночную парочку, но на этот раз именно с крыши. Жаль, что я никогда вот так не забирался на нее раньше и не любовался городом. Ведь ребенком я любил все новое и необычное. Интересно, в какой момент я изменился. Пожалуй, именно в тот день, когда меня переправили сюда из мегаполиса. С того момента моя жизнь изменилась из-за большого потрясения, которое я испытал в тот день. И тогда я решил, что ничему и никому не позволю заставить меня вспомнить то, что я видел тогда. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было ошибкой. Ведь именно наши воспоминания, плохие и хорошие, делают нас такими, какие мы есть. Нельзя отворачиваться от прошлого, но и заикливаться на нем нельзя. Отныне я буду жить так, чтобы сложить свою жизнь в единое целое, как это делает время с нашим миром. А пока... я буду смотреть на звезды и луну. Пусть же завтра ночью хоть кто-нибудь из них укажет мне, куда следует отправиться.

Глава IV. Единое целое

*Я вижу мир таким, как никогда,
И пусть меня ведет моя звезда.
Пусть порой непросто будет,
Но я снова верю людям
И моя дорога мне видна.*

*Я точно знаю, время подождет,
Пока с тобой мы движемся вперед.
Ты не сможешь все проверить.
Тебе просто нужно верить,
И тогда нам мир с тобой поет.*

Вокруг меня раскинулись широкие холмы. В воздухе висел тяжелый туман, но дышалось на удивление легко. Темная трава содрогалась под порывами сильного мокрого ветра, а на небе висели большие грозные тучи. Где-то вдалеке сверкнула молния и грянул гром. Его раскаты повторялись часто, рассекали просторы чистым эхом, раздаваясь то далеко, то близко от меня. Я прошел чуть вперед, оказавшись на краю крутого утеса, обрывающего холм. Внизу невозможно было что-то разглядеть: все заволокла дымная темно-серая пенка, поблескивая белыми жилками молний. Казалось, что вспышки света возникают на дне пропасти, будто земля из своих недр извергает гнев природный, сотрясая все от основания и выше. Дым шевелился, пульсировал подобного

живому существу, перетекал с места на место, расслаивался в одном месте и слипался в другом.

Я оторвал взгляд от пропасти и обернулся. В нескольких метрах от меня стояла высокая в три метра, но довольно худая фигура в темно-сером плаще. На ее голове так же, как и на той, что явилась мне на пляже, был натянут капюшон:

– Я ждал тебя, – произнес грубый электрический голос, надавливая мне на слух.

– Кто вы такой? И почему вы меня ждали? Откуда знали, что я приду? Как я вообще сюда пришел... Я ничего не помню.

– Да, я знаю, – произнес он и снял капюшон с головы.

Это было неведомое мне до сих пор создание. Его кожа была индиговой, поблескивая, как у лягушки, изрезанная полосами светлого оттенка. Носа и ушей существо не имело, но у него были большие немного прямоугольные глаза с ярко-желтой глазницей, ядовито сжигающей взор. Зрачки были абсолютно черными, но в них виднелись белые точки. Смотрелось так, будто его глаза – большая желтая вселенная с черным солнцем внутри, на котором блестели белые пятна-звезды. Оно, солнце, впилося в меня взглядом и жадно ожидало ответа, пока его владелец медленно подступал ко мне, прижимая к обрыву.

– Не бойся меня. Не бойся спрашивать. Я отвечу на все вопросы. Но только тогда, когда для них придет время. А время придет только тогда, когда ты будешь готов услышать ответ.

– А как вы поймете, что я готов?

– Твои вопросы не касаются твоих чувств и эмоций. Они не зависят от тебя. Значит, я могу знать, пришло ли время для них. Время пришло. Итак, мое имя слишком сложное для твоего языка, чтобы ты смог его произнести. Как ты слышишь, я могу говорить на твоём языке. Но ты на моём не можешь. Соответственно, у тебя нет названия для меня. Я не могу в двух словах объяснить тебе, что я такое и чем занимаюсь. Поэтому тебе придется выслушать все, что я скажу тебе. Я знал, что ты придешь, потому что я сам позвал тебя сюда. Ты спишь. Я позвал тебя в сон. Я привел тебя сюда независимо от твоего желания. Ты не помнишь, как оказался здесь, потому что добрался сюда однажды. Теперь ты будешь неосознанно проходить этот путь.

Он замолчал, ожидая от меня ответа или же новых вопросов. Честно говоря, я был просто в шоке. Он привел меня сюда. Но я никогда его не видел. Если бы видел, то точно бы запомнил.

– Хорошо, – смиренно вздохнул я, – я вас выслушаю. К тому же, у меня, насколько я понимаю, нет выбора.

Тут же гром стих, молния исчезла, и пейзаж вокруг растаял, оставив лишь густой сиренево-черный туман. Мы оказались в том месте, с которого все началось. Мой первый сон, после которого я проснулся с порезом. Это место было тем же самым.

– Малкольм, я расскажу тебе все, что ты должен знать

на данный момент. Пожалуйста, не перебивай меня. Будь внимателен. Все, что я скажу тебе, ты должен запомнить. Сейчас мы с тобой находимся везде и нигде. Мы на границе миров. В это место суждено попасть не всем. Оно пронизывает миры тонкими струями, переплетая их между собой и разделяя на мелкие песчинки, плывущие в его потоке. Это значит, что мы находимся там, где все начинается и все заканчивается. Оно существовало всегда. Оно находится вне времени. Здесь рождается сказка. Начнем же наш экскурс. Скажи мне, Малкольм, много ли ты знаешь о своем мире?

– Не особо. Я даже не знал, что существуют еще какие-то миры. Что уж говорить, как я мог знать о них, если ничего толком не знал о своем?

– И это верно. Глуп тот, кто пытается разобраться в других, не разобравшись в себе. Миров бесконечно много. Все существующее берет начало здесь. Все начиналось с тумана, обволакивающего сейчас нас с тобой. Это место никогда не исчезнет. Оно порождает, но не убивает, хотя в нем и умирают. Если мир движется к концу, то свой конец он встретит именно здесь. Это место – переход между мирами, их коридор. Но перемещаться по нему дано не всем. Многие минуют его. Есть несколько способов перемещаться между мирами. Первый способ прост. Им может воспользоваться любое существо, способное видеть сны. Засыпая, наша душа выходит из телесной оболочки и путешествует в другие миры, вселяясь в уже существующие тела. Они считают, что прини-

мают решения, мыслят сами. Но на самом деле, они просто наблюдают, как это делает кто-то другой. А иной раз и во-все видят все со стороны. Некоторые же способны сами действовать, но только тогда, когда оболочка пуста. Это возможно только в одном случае, но о нем я расскажу тебе позже. Второй способ доступен всем смертным существам. Умирая, они лишаются своей оболочки и могут оказаться в другой. Чаще они выбирают оболочку из своего же мира. Но некоторые, мечтающие попасть куда-то еще, перемещаются, сами того не ведая, в другой мир и обретают другую оболочку там. К сожалению, различить грань души и оболочки достаточно трудно, поскольку в ряде миров душа является оболочкой. Это непростая структура, о которой ты можешь узнать позже, если пожелаешь. Третий способ перемещений не требует выхода из оболочки. Это переход между мирами. Им могут пользоваться два типа душ: те, кто открывает проход и те, кого проводят через проход. Перевести кого-то из одного мира в другой не сложно, если ты способен открыть портал. Взять с собой можно кого угодно независимо от души, находящейся в оболочке. А вот открыть этот самый проход способны лишь некоторые души. Это очень тонкий процесс, требующий долю жизненной силы. Если научиться это делать, то открыть портал будет не сложнее, чем моргать. Другой способ попасть в другой мир – правильно подобрать место и время. А порой просто место. Немногие души, а чаще всего одна-две на мир, способны перемещаться случай-

но. Я говорю сейчас не о перемещениях в альтернативную реальность, как ее чаще называют, а реальное перемещение в совершенно другой мир. Ты – один из них. Поэтому я позвал тебя сюда. Об этом мы поговорим в самом конце нашей встречи. Последний способ перемещения – с помощью магического артефакта. Узнаешь ты о нем или нет, зависит от многих факторов. В том числе и от тебя самого. А теперь я расскажу тебе о мирах.

Миры – сложно организованные комбинации различного естества. Они составляют единое целое для всего существующего. Каждый из них имеет свою историю, свои законы и набор живых организмов и пород. Некоторые из них скудно населены, другие же изобилуют разнообразием. Так или иначе, они подобны снежинкам, не имеющих себе аналогов. Однако у миров есть небольшая хитрость. Нечто вроде видоизмененных клонов. В некоторых мирах такое явление называется параллельными мирами. Однако не каждый имеет подобное. Сейчас я все объясню.

Ряд существующих миров не имеет возможности изменять ход событий. Все в них произойдет так, как было предначертано. Вход туда закрыт иным существам, имеющим оболочку. Конец и начало это мира было предрешено задолго до его рождения. Ему и его детищам присуще то, что называют судьбой. Поэтому те, кто обладает даром предвидения, его естественные пророки, никогда не ошибаются. В иных

мирах они видят лишь возможный вариант развития событий, один из многих. Сложно сказать, что они правы, пока время не покажет нам, чему суждено случиться, а чему нет. Такие миры имеют при себе параллельные. Скачки существ параллельных миров происходит путем обмена. Принимая то или иное решение, они попадают в ту или иную параллельную реальность. Это парадоксально с некоторой точки зрения, но лишь для тех, кто не знаком с этим явлением. Миры отличаются друг от друга незначительно, всего лишь несколькими мелкими деталями, которые позже вызывают эффект бабочки. Эти миры для нас с тобой не представляют никакого интереса.

Куда важнее узнать о других мирах. Но прежде чем говорить о них, мы разберемся, откуда они берутся. Есть несколько способов создать новый мир. Некоторые миры создаются с помощью существ, начинающих другие. Писатели, художники, поэты, музыканты, кинорежиссеры – все они создают миры. Они делают это через свои произведения, которые они передают другим. Когда множество живых душ верит в существование этих миров, они зарождаются сами и существуют независимо от других. Это доказывает то, что на самом деле многие из существующих вселенных знают о существовании других, но сами этого не понимают. Кто-то верит больше, а кто-то меньше, но это объединяет всех их.

Другие миры менее устойчивы и зачастую не способны долго существовать. Их создает каждое живое существо.

Все, кто когда-либо мечтал, видел красочные сны, творил что-либо, хотя бы раз создавали свой собственный мир, а чаще даже несколько. Поэтому они и умирают быстро и стремительно, не успев и начаться. Только те мечты и фантазии, которые мы вынашиваем годами глубоко в своем сердце, способны жить и после нашей смерти. Если бы только души знали что на самом деле все их мысли реальны, то они мечтали бы гораздо осторожнее. Ведь мы порождаем не только добро, но и зло своими мыслями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.